ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ. ЦѢНА 10 КОП.

ИЗДАНІЯ

учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

(С.-Петербургъ, Лиговская ул., № 19).

Уничиженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа. Цѣна 8 к. **Церковь Христова со временъ Апостоловъ**—15 к. **Жизнь Божіей Матери**—10 к. **О Богослуженіи Православной церкви** — 10 к. **Великій Постъ**—8 к. **Св. Василій Великій**—7 к. **Св. Григорій Богословъ**—7 к. **Св. Іоаннъ Златоустъ**—7 к. **Жизнь св. Николая Чудотворца**—8 к. **Житіе преподобнаго Ксенофонта, Маріи, Іоанна и Аркадія** — 8 к. **Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители Славянъ** — 8 к. **Св. Стефанъ Пермскій**—5 к. **Св. Митрофанъ Воронежскій**—5 к. **Св. Димитрій Ростовскій**—5 к. **Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій и Задонскій** — 8 к. **Святитель Ѳеодосій Углицкій** — 8 к. **Сказаніе о преподобномъ Трифонѣ, просвѣтителѣ лопарей**—10 к. **Іоаннъ Дамаскинъ, стихотвореніе** — 3 к. **Отшельникъ (Алексій, человѣкъ Божій), стихотвореніе**—5 к. **Платонъ, митрополитъ Московскій**—5 к. **О жизни и подвигахъ Иннокентія, архіепископа Камчатскаго, впослѣдствіи митрополита Московскаго** — 10 к. **Исторія Святой земли**—12 к. **Русскіе богомольцы въ Святой Землѣ**—20 к. **Русскіе богомольцы на Синаѣ**—12 к. **Богомольцы у святынь Кіева. Лавра**—20 к. **Тоже. Старый Кіевъ** — 10 к. **Свято-Троицкая Сергіева лавра**—10 к. **Святая Почаевская Успенская лавра**—8 к. **Валаамская обитель**—8 к. **Кирилло-Бѣлозерскій монастырь**—8 к. **Соловецкая обитель**—8 к. **Новый Іерусалимъ**—8 к. **Ростовъ Великій и его святыни**—15 к. **Святыни города Вильны**—10 к. **Московскій кремль** — 7 к. **Крестные ходы въ Москвѣ**—5 к.

Начало христіанства на Руси—8 к. **Сыновья св. Владиміра: свв. Борисъ и Глѣбъ, Ярославъ**—6 к. **Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе** — 10 к. **Нашествіе татаръ и князь Михаилъ Тверской**—8 к. **Св. Благовѣрный великій князь Александръ Невскій**—7 к. **О святыхъ Московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексіи и о Мамаевомъ побоищѣ**—8 к. **Иванъ III**—10 к. **Царь Иванъ Васильевичъ Грозный** — 10 к. **О смутномъ времени на Руси**—15 к. **Царствованіе Михаила Ѳеодоровича**—8 к. **Царствованіе Алексѣя Михайловича** — 8 к. **Петръ Великій** — 25 к. **Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой**—8 к. **О преемникахъ Петра Великаго (до Екатерины II)** — 10 к. **Екатерина II Великая**—10 к. **О Суворовѣ**—7 к. **Царствованіе Императора Александра Перваго Благословеннаго**—10 к. **Народная война 1812 года**—25 к. **Императоръ Николай Первый** — 12 к **Разсказы о Севастопольцахъ** — 8 к. **О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II** — 20 к. **Царь-Миротворецъ Александръ III**—7 к. **О благочестивѣйшемъ въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III**—5 к. **Объ уніатахъ въ Западной Руси и ихъ возсоединеніи съ православною церковью**—15 к. **О рукописномъ дѣлѣ и книгопечатаніи на Руси**—10 к. **Милость Божія надъ Царемъ, явленная землѣ Русской 17-го октября 1888 года**—10 к. **Путешествіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича на Востокъ въ 1890 и 91 гг.**—15 к. **Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ**—5 к.

Объ Индіи и Индусахъ—8 к. **Китай**—8 к. **Японія**—10 к. **О древнихъ Египтянахъ и о землѣ Египетской** — 5 к. **Абиссинія**—10 к. **Гора Араратъ**—10 к. **Христофоръ Колумбъ**—5 к. **О Греціи и Грекахъ**—10 к. **Италія и ея главнѣйшіе города** — 7 к. **О Лондонѣ и Англичанахъ**—8 к. **О Голландіи и Голланд-**

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
№ ——— 1979 г.

- 4 -

ОЛОНЕЦКІЙ КРАЙ.

X

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, 48.
1898.

Дозволено цензурою. Спб. Сентября 1898 года.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
Л 30133 1979г.

Олонецкій край.

ГЛАВА I.

Въ сѣверной части Россіи, между Финляндіей и губерніями Архангельской, Вологодской, Новгородской и С.-Петербурской, находится мѣстность, покрытая густыми лѣсами, обильная горами, озерами и болотами. Эта мѣстность — Олонецкій край, составляющій теперь Олонецкую губернію.

Сплошь населенный, въ прежнія времена, языческими финскими племенами: лопью (лопарями), чудью, ямью и корелой,—край этотъ долго оставался убѣжищемъ язычества. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, еще и до сихъ поръ указываютъ слѣды подземныхъ норъ и пещеръ, гдѣ жила лопь и чудь, «бѣлоглазая», «лѣшева чудь», какъ называли ее русскіе въ то время. Еще и теперь озера и рѣки, по берегамъ которыхъ рыли свои пещеры эти язычники, народъ называетъ не иначе какъ «лѣшія озера», «лѣшія рѣки». Сохранились и нѣкоторыя назва-

нія, указывающія мѣста, гдѣ жила лопь и чудь. Напримѣръ, въ Даниловской волости, Повѣнецкаго уѣзда, и до сихъ поръ существуютъ: Лопское озеро, Лоппа-волокъ и селеніе Лопское.

Но вотъ, мало по малу, въ эту глушь, въ эти болота непроходимыя, въ лѣсныя дебри стали заглядывать люди изъ новгородской земли. Ещё лѣтъ 800 тому назадъ новгородцы не только стали наѣзжать сюда по временамъ для торговли съ лопью и чудью, но начали и селиться здѣсь, заводить починки и поселки. Новгородскіе знатные, именитые люди стали устраивать здѣсь помѣстья, пріобрѣтали земли, лѣса, озера и рѣки; заводили рыбные и звѣриные промыслы и посылали сюда своихъ управляющихъ. Заводились, близь этихъ помѣстьевъ, и деревеньки маленькія, но ихъ было немного. Онѣ состояли изъ одного, двухъ или трехъ дворовъ, да и то на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга.

Поселившись среди «бѣлоглазой» чуди и лопи, новгородскіе люди завели съ ними торговлю. Но дикари относились враждебно къ пришельцамъ и христіанство распространялось между ними очень медленно. Главнымъ образомъ происходило это оттого, что первой заботой новгородцевъ была корысть и нажива. И вотъ, такимъ образомъ, чудь и лопь пребывали въ

язычествѣ еще и въ XIV столѣтіи. Особенно упорно держалось язычество въ каргопольскихъ предѣлахъ.

Но чего не могли или, вѣрнѣе, не хотѣли сдѣлать новгородскіе торговые люди, то сдѣлали истинные подвижники христіанства—пустынники. Много ихъ было въ разныхъ мѣстахъ обширнаго Олонецкаго края. Такъ, при подошвѣ горы Челмо, лежащей надъ Лекшмо-озеромъ въ 50 верстахъ отъ нынѣшняго Каргополя, поселился Кириллъ, прозванный Челмогорскимъ; Лазарь—на островѣ Онежскаго озера Муромлѣ, Пахомій—на рѣкѣ Кемѣ, Макарій—на озерѣ Высокомъ, Корнилій—на островѣ Палеостровѣ на Онежскомъ озерѣ, Александръ Ошевенскій—на рѣкѣ Чурьюгѣ (въ Каргопольскомъ уѣздѣ), Адріанъ—на берегу Ладоги, Никифоръ и Геннадій—на озерѣ Важенѣ, Іона—на Климецкомъ островѣ Онежскаго озера и Аѳанасій—на Сяндемѣ-озерѣ. Съ евангеліемъ въ одной рукѣ, съ крестомъ въ другой, являлись святые мужи среди дикарей. Оружіе ихъ было совсѣмъ не то, что у новгородскихъ торговыхъ людей. Кроткіе, исполненные христіанской любви—они творили только молитву, да громко и смѣло проповѣдывали истины евангельскаго ученія. Пустынникъ селился въ лѣсу, или гдѣ нибудь на берегу озера и прежде всего водружалъ

крестъ. Возлѣ креста онъ ставилъ, иной разъ, маленькую часовенку, а подлѣ нея и собственное свое жилище—бѣдную, убогую хижинку (*хижу*). Знакомые съ обманами и обидами новгородцевъ, дикари долго не довѣряли и новымъ пришельцамъ. Они то сторонились отъ нихъ, то явно ихъ притѣсняли, даже убивали. Но это было только на первыхъ порахъ. Присматриваясь ближе къ пустынникамъ, дикари поняли, что это совсѣмъ иные люди, не похожіе на новгородскихъ торгашей. Тѣ только и думали, что о корысти, да объ обманѣ, а эти не только не брали и не хотѣли брать ничего чужого, а еще и свое послѣднее готовы были отдать неимущему: отдать ему послѣднюю свою одежду, раздѣлить съ нимъ послѣдній черствый кусокъ хлѣба. На всѣ притѣсненія и обиды со стороны дикарей, на брань и побои они отвѣчали смиреніемъ и прощеніемъ. И это оружіе оказалось сильнѣй новгородскаго: оно покорило темныхъ людей. И вотъ свѣтъ христіанства озарилъ глухой Олонецкій край. Слава о святой жизни и христіанскихъ подвигахъ пустынножителей расходилась далеко за предѣлы глухихъ лѣсовъ и болотъ. Возлѣ бѣдныхъ, убогихъ хижинокъ появлялись все новыя и новыя и мѣсто поселенія пустынника превращалось въ многолюдный монастырь. Такъ,

напримѣръ, братія Лазаря Муромлянскаго состояла изъ 800 человѣкъ. Подвижники учили лѣсныхъ дикарей молитвамъ, любви и почитанію Бога. Но вмѣстѣ съ тѣмъ учили они ихъ и тому, какъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, какъ дѣлать и обжигать кирпичи, да и многому другому, что пригодно для жизни и о чемъ до нихъ и понятія не имѣли жители этихъ глухихъ мѣстъ.

Къ сѣверу отъ тихвинскихъ предѣловъ, на пути отъ Ладожскаго озера къ Онежскому, около многоводной Свири, соединяющей между собою эти два озера возникъ извѣстный монастырь св. Александра Свирскаго.

Св. преподобный Александръ Свирскій родился въ 1448 г. въ селѣ Мандерѣ, на рѣкѣ Ояти. Съ ранняго отрочества этотъ угодникъ Божій сталъ непрестанно молиться Богу и поститься. Отъ вступленія въ бракъ Александръ уклонялся: его единственнымъ желаніемъ было—оставить міръ и всецѣло посвятить себя Богу. Разъ какъ-то пришли въ ихъ село иноки изъ Валаамской обители. Александръ встрѣтилъ ихъ еще на дорогѣ и, поклонясь до земли, просилъ благословенія.—«Сынъ мой», сказалъ ему старшій инокъ, пристально взглянувъ на него,—«я знаю, чего ты хочешь: ты хочешь поступить въ нашъ монастырь. Да, хорошо у насъ. Иди-же домой, самъ Господь направитъ путь твой!»—И

Александръ вернулся грустный, печальный. Но онъ твердо рѣшился уйти отъ родныхъ, хотя и горячо любилъ ихъ. И вотъ однажды, отправившись въ сосѣднее село по дѣлу, онъ не вернулся домой, а ушелъ потихоньку на Валаамъ и тамъ, на 26 году отъ роду, принялъ постриженіе. Крѣпкій, здоровый, онъ исполнялъ всѣ тяжелыя работы въ монастырѣ и отличался кротостью и смиреніемъ. Днемъ онъ работалъ, а ночью, вплоть до разсвѣта, молился и потомъ шелъ къ заутрени.

Такъ прошло 13 лѣтъ. Наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ, игуменъ далъ Александру дозволеніе на пустынножительство, къ которому тотъ уже давно стремился. Александръ удалился тогда на озеро Рощинское, въ 6 верстахъ отъ Свири, выбралъ себѣ мѣстечко и прожилъ цѣлыхъ 7 лѣтъ въ тѣсной хижинѣ. Тамъ случайно нашелъ его бояринъ Завалишинъ. Изнуренный видъ преподобнаго поразилъ боярина. Долго Александръ ничего не хотѣлъ говорить вопрошавшему его пришельцу о своей жизни и лишь послѣ усиленныхъ просьбъ разсказалъ все, но подъ условіемъ, что тотъ сохранитъ это въ тайнѣ. Онъ повѣдалъ ему, что семь лѣтъ прожилъ въ лѣсу, не видя души человѣческой, и за все это время не ѣлъ хлѣба, —только траву и коренья. Сперт-

за ему было трудно: сильно страдалъ желудкомъ, лежалъ по цѣлымъ часамъ на землѣ, будучи не въ силахъ приподнять голову. При разставаньи святой узналъ отъ своего гостя, что онъ боленъ желудкомъ. Тогда Александръ возложилъ на него руку и исцѣлилъ его. Но Завалишинъ, видно, не сохранилъ тайны. Къ Александру, одинъ за другимъ, стали стекаться подвижники и тотъ-же Завалишинъ порой доставлялъ имъ хлѣбъ. Когда отшельниковъ сошлось уже довольно много, Александръ построилъ монастырь, въ которомъ и былъ поставленъ игуменомъ. Но и въ этомъ санѣ онъ оставался все такимъ-же кроткимъ, смиреннымъ и считалъ себя не первымъ, а послѣднимъ въ обители. Трудился онъ больше всѣхъ: мѣсилъ и пекъ хлѣбы, рубилъ дрова, носилъ воду, мололъ муку и неустанно молился.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Александръ приступилъ къ постройкѣ новаго храма во имя св. Троицы, уже каменнаго.—«Откуда-же мы возьмемъ средства, отче?» удивленно спрашивали его иноки.—«Господь поможетъ!» отвѣчалъ преподобный. И слово его сбылось: храмъ былъ построенъ и освященъ архіепископомъ Макаріемъ въ 1526 году. Молва о святой жизни игумена далеко разнеслась повсюду и къ нему стекались со всѣхъ

сторонъ: иной за совѣтомъ, за утѣшеніемъ въ скорби, иной — съ раскаяніемъ во грѣхахъ. И Александръ всѣхъ принималъ съ любовью, утѣшалъ и помогалъ, чѣмъ могъ. Преподобный не разъ проявлялъ даръ прозорливости. Какъ-то къ нему обратился богатый и знатный новгородскій купецъ, Богданъ Семенычъ Корюкинъ и просилъ исцѣлить его сына. «Не въ нашей волѣ давать, что и хотѣли-бы! отвѣчалъ ему преподобный.—Вѣруй въ Бога и искренно молись. А я ничего тутъ не могу сдѣлать! Всѣ твои дѣти умирали еще въ юности,—схоронишь и этого... Пробудись, сынъ мой, разстанься съ грѣхами! Будь сострадателенъ къ бѣднымъ, сирымъ, вдовамъ; корми заключенныхъ въ темницахъ; не отдавай денегъ въ ростъ!» И сынъ Корюкина точно умеръ, а Богданъ Семенычъ передъ смертью постригся въ монахи.

Однажды народъ послѣ молебна въ обители подавалъ на церковь деньги, — протянулъ руку съ деньгами и одинъ крестьянинъ, по имени Григорій. Но Александръ оттолкнулъ ее.—«Твоя рука смердитъ! сказалъ онъ—ты ею билъ свою мать и навлекъ на себя гнѣвъ Господа. Ступай и проси прощенья у матери и впредь не смѣй оскорблять ее!» И Григорій ушелъ смущенный. Александръ воспиталъ

многихъ подвижниковъ. Назовемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: преподобный *Макарій* (скончался въ 1532 г.), основатель Оредежской пустыни; преподобный *Никифоръ*, основатель Спасской Задне-Никифоровской пустыни, въ 91 верстахъ отъ Свирскаго монастыря; затѣмъ: *Игнатій*, *Леонидъ*, *Діонисій*, *Ѳеодоръ*, *Ѳерапонтъ*, *Кирилій Паданскій* и *Аѳанасій* — всѣ они подвизались въ вятской пустынѣ. 30-го августа 1533 г. преподобный скончался на 85-мъ году отъ роду, завѣщая братіи жить въ любви о Христѣ. Съ 1547 г. уже чтили Александра церковной службой, но мощи его открыты только въ 1641 году. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1643 г. устроилъ для нихъ серебряную раку, въ которой онѣ и покоились до 1877 года, когда, по ветхости старой раки, были переложены въ новую, также серебряную.

Монастырь Александра Свирскаго расположенъ въ 6 верстахъ отъ берега Свири, въ прекрасномъ мѣстѣ и состоитъ собственно изъ двухъ монастырей, построенныхъ у озера Святого. Онъ считается самымъ богатымъ въ Олонецкой епархіи.

Время шло; глухой Олонецкій край просвѣщался. Конечно, не мало было такихъ уголковъ, гдѣ таилось язычество, гдѣ, какъ совы отъ свѣта, прятались дикари отъ проповѣдни-

ковъ христіанства. Но такихъ уголковъ становилось меньше и меньше.

Но вотъ настало для Россіи славное царствованіе Петра Великаго. Выводя свое государство изъ сна и дремоты на дорогу жизни и славы, Петръ своей главной задачей поставилъ — укрѣпиться на берегахъ Балтійскаго моря, построить тамъ большой, торговый городъ и тѣмъ завязать сношенія съ образованными странами Запада. Трудно было исполнить эту задачу. Балтійскимъ моремъ владѣлъ сильный врагъ — шведы. Ихъ войско славилось по всему міру, а королемъ ихъ былъ знаменитый по храбрости Карлъ XII. Для успѣшной войны съ такимъ врагомъ Петру Великому прежде всего необходимъ былъ флотъ. Какъ разъ въ это время заглянулъ великій царь—работникъ въ Олонецкій край. Проѣзжая изъ Архангельска къ устью Свири, царь глазъ не могъ оторвать отъ густыхъ дремучихъ лѣсовъ: лучшій матеріалъ для постройки кораблей трудно было отыскать. И вотъ Петръ, исполнявшій всегда свои планы съ изумительною быстротою, высадился на берегу Свири, гдѣ стояла тогда деревня Мокривицицы, а теперь стоитъ городъ Лодейное Поле, заложилъ тутъ въ 1702 году корабельную верфь и назначилъ ея начальникомъ своего любимца Александра Даниловича Меншикова.

Построили наскоро и походный храмъ и дворецъ для царя—скромненькій деревянный домикъ. Согнали рабочихъ изъ Каргополя, Бѣлозерска и Пошехонья—и закипѣла работа. Въ 1703 году на верфи уже строились корабли.

Но одной постройкой корабельной верфи не ограничился Петръ. Въ его головѣ зародилось не мало и другихъ благодѣтельныхъ мыслей. Всю жизнь свою только и думавшій о счастіи и благоденствіи государства, замыслилъ онъ много и для дикаго, но не обиженнаго Богомъ Олонецкаго края. Петръ Великій обратилъ вниманіе на другое богатство края, на залежи разныхъ металловъ и рудъ. Опытный глазъ царя, по многимъ признакамъ, открылъ въ краѣ присутствіе мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ. Царь рѣшилъ немедленно же отыскать ихъ и приняться за разработку. Онъ не любилъ откладывать,—и тотчасъ принялся за дѣло. Въ томъ же 1702 году былъ имъ построенъ на рѣкѣ Лососинкѣ (при которой стоитъ нынѣшній Петрозаводскъ) плавильный заводъ, а въ 1703 году Петръ самъ работалъ на этомъ заводѣ—отливалъ пушки. Устроилъ онъ и еще три мѣдноплитейныхъ завода: *Алексѣевскій* — при Телекинскомъ озерѣ, *Повѣнецкій*—при рѣкѣ Повѣнчанкѣ (гдѣ теперь уѣздный городъ *Повѣнецъ*, а тогда была слобода Повѣнцы) и *Вичковскій*—

при Онежскомъ озерѣ. Но съ основаніемъ новаго *Кончезерскаго* завода близъ Петрозаводска, Повѣнецкій заводъ былъ оставленъ, за дальностью разстоянія *).

Постройка такъ называемой *Маріинской системы* **), имѣющей важное значеніе для Россіи, задумана также Петромъ. Онъ понялъ, что если соединить каналами волжскія воды съ водами озера Ладожскаго и Невою, то это будетъ очень полезно для русской торговли: подниметь ее и оживитъ. Наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для такого соединенія Петръ нашелъ нынѣшній Вытегорскій уѣздъ, въ то время довольно значительно заселенный. Война со шведами отвлекла на время царя отъ задуманнаго имъ плана. Но онъ не забылъ о немъ.

---

*) Теперь въ Олонецкомъ краѣ находятся слѣдующіе заводы: *Кончезерскій*, чугунно-литейный, и *Александровскій* на правомъ берегу рѣки Лососинки, въ Петрозаводскѣ, для отливки пушекъ и снарядовъ къ нимъ; еще есть въ Олонецкомъ уѣздѣ три желѣзно-дѣлательныхъ завода, на которыхъ вырабатывается довольно много желѣза и разныхъ издѣлій изъ него (преимущественно лопать). Все это сбывается исключительно въ Петербургъ. Кромѣ мѣди и желѣза въ краѣ находится въ небольшемъ количествѣ серебро, но особенно богатъ край гранитомъ и мраморомъ.

**) Маріинскую водную систему составляютъ Нева и каналы: Ладожскій, Сясьскій, Свирскій, Онежскій, Маріинскій и Бѣлозерскій. Маріинская система идетъ черезъ губерніи: С.-Петербургскую, Олонецкую, Новгородскую и Ярославскую. Длина ея 1054 версты.

Въ 1710 году Петръ послалъ въ Вытегорскій уѣздъ, для изслѣдованія мѣстности, знаменитаго англійскаго инженера Перри, а въ слѣдующемъ году и самъ пріѣхалъ ему на подмогу и раздѣлялъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ труды и лишенія: бродилъ по лѣсамъ и болотамъ, жилъ въ шалашѣ, сплетенномъ изъ древесныхъ вѣтвей. Но, по разнымъ причинамъ, Петру не удалось довершить это свое предпріятіе. Маріинская система была открыта для судоходства только въ 1810 году, имя-же Маріинской получила потому, что мать государя Александра Павловича, императрица Марія Ѳеодоровна, принимала въ устройствѣ ея живое участіе и пожертвовала на это дѣло капиталъ изъ своихъ личныхъ средствъ.

Олончанинъ помнитъ и до нынѣ Петра Великаго и разсказы о первомъ императорѣ передаются изъ рода въ родъ, отъ дѣда къ внуку и отъ отца къ сыну. Вспоминая царя, крестьянинъ снимаетъ шапку, набожно крестится и называетъ его не иначе, какъ «Осударь», или «Батюшка-Осударь», не прибавляя: Петръ— ужь всѣ такъ и знаютъ, что рѣчь идетъ о немъ именно. Все доброе и хорошее въ краѣ народъ приписываетъ этому государю. Въ народѣ еще хранятся, какъ святыня, серебряныя золоченыя чарочки, которыя Петръ раздарилъ

многимъ жителямъ края. Чарочки эти сохраняются въ божницахъ. Невольно вспоминается одинъ изъ народныхъ разсказовъ, какъ во время шведской войны Петръ провелъ тутъ свои войска и какъ онъ волокомъ протащилъ корабли въ Ладожское озеро по непроходимымъ мѣстамъ, гдѣ пробѣгалъ развѣ одинъ олень, черезъ дремучіе, густые лѣса и болотную топь. Вырубались широкія просѣки, настилались мосты черезъ рѣки и трясину болотную, и Петръ въ такихъ трудахъ оставался все такимъ же бодрымъ и крѣпкимъ: гдѣ шуточкой, гдѣ одобреніемъ и лаской, поощрялъ онъ изнуренныхъ крестьянъ и солдатъ. И они снова принимались за работу,—откуда и силы брались!— и шли все впередъ и впередъ, куда велъ ихъ царь... При остановкахъ Петръ жилъ въ простой земляной избушкѣ, да и въ той не очень любилъ сидѣть, а все, какъ говорятъ, былъ больше «на чистомъ воздухѣ», подъ вѣтромъ, дождемъ и холодомъ. Скоро будетъ двѣсти лѣтъ съ того времени, а еще и до сихъ поръ не заросли въ Повѣнецкихъ лѣсахъ широкія просѣки, вырубленныя Петромъ. На послѣдней стоянкѣ царя, Выгозерскомъ ямѣ, былъ водруженъ деревянный крестъ, съ навѣсомъ и съ горкой изъ валуновъ. Теперь на этомъ мѣстѣ построена очень красивая часовня во имя

св. апостоловъ Петра и Павла. И каждый мужикъ непремѣнно остановится передъ этой часовней, сниметъ шапку и, вспомнивъ разсказы дѣдовъ о великомъ царѣ-работникѣ, о всемъ, что онъ сдѣлалъ для края и для всей Руси православной,—помолится горячо за его душу и пожелаетъ ей царства небеснаго!...

ГЛАВА II.

Не мало у насъ на святой Руси такихъ уголковъ, гдѣ жить-бы да жить народу привольно и счастливо. Но есть мѣста, гдѣ не хватаетъ и того, что нужно. Въ Олонецкомъ краѣ много лѣсовъ, богатыхъ и птицей разной и звѣремъ, озеръ и рѣкъ пропасть и рыбы въ нихъ не оберешься,—да не хватаетъ землицы—болота больше одни, а если и есть гдѣ пахатныя мѣстечки, такъ мало ужь очень ихъ и хлѣбъ на нихъ плохо родится.

Раскинулся Олонецкій край широко, а пахатной земли въ немъ такъ мало, что отъ одной пашни крестьянину не прокормиться. По этой причинѣ и населеніе здѣсь незначительно.

За то водою и лѣсомъ богатъ Олонецкій край. Проѣзжая почтовой или проселочной дорогой, вездѣ встрѣчаете вы озера, рѣки большія и малыя, и все лѣсъ да лѣсъ. Не бѣденъ край

и горами: повсюду онѣ, или обнаженныя и покрытыя мхомъ и кой-гдѣ мелкимъ кустарникомъ, или густо поросшія лѣсомъ.

А рѣкъ и озеръ просто не оберешься! Озера встрѣчаются чуть не на каждомъ шагу.

Ладожское озеро только одной частью прилегаетъ къ Олонецкому краю, а остальными двумя—къ Петербургской губерніи и Финляндіи. Въ старину оно называлось *Нево. Онежское* (Онего) озеро лежитъ какъ разъ посрединѣ края. На немъ, между губами Повѣнецкой и Чоргой, находится полуостровъ *Заонежье*, а по всему озеру разбросано множество острововъ. Всѣ они покрыты густымъ лѣсомъ. Берега озера очень красивы. На западномъ берегу горы, покрытыя большимъ лѣсомъ—соснами, елями; изъ-за деревьевъ порой выглядываютъ кресты сельскихъ церквей. Онежское озеро омываетъ берега цѣлыхъ пяти уѣздовъ и на его заливахъ и островахъ живетъ и кормится много народу.

Не смотря на частыя мели, по Онежскому озеру ходитъ много судовъ. Здѣсь плаваетъ не только множество мелкихъ судовъ, но даже и большіе мореходные корабли. Къ пристани *Вознесенской* приходитъ ежегодно нѣсколько сотъ судовъ, съ грузомъ на полмилліона слишкомъ рублей, и десятки тысячъ бревенъ въ плотахъ.

Вознесенская пристань, одна изъ главныхъ

стоянокъ судовъ, идущихъ по Маріинской системѣ съ Волги въ Свирь, извѣстна своей постройкой морскихъ и рѣчныхъ судовъ *).

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Онежское озеро, замѣчательна *Вытегра*. На ней очень много плотинъ и шлюзовъ и благодаря этому она судоходна. Черезъ Вытегру проходитъ много судовъ.

Самая значительная рѣка въ краѣ—*Свирь*, соединяющая воды озеръ Онежскаго и Ладожскаго; но плаваніе по ней крайне затрудняется многочисленными и опасными порогами. Проходящіе черезъ нихъ пароходы и грузовыя суда то и дѣло останавливаются и принимаютъ лоцмановъ, которые, помолясь Богу и Александру Свирскому, проводятъ судно благополучно черезъ опасное мѣсто.

При впаденіи въ Онежское озеро рѣки Лососинки стоитъ губернскій городъ Петрозаводскъ. основанный въ 1703 году Петромъ Великимъ.

---

*) Морскія: *шальотъ*, поднимающій до 15 тысячъ пудовъ грузу; *свирскія палубныя лодки*.—до 4 тыс. пуд., *озерныя палубныя лодки*—до 10 тыс. пуд., *лайбовыя соймы, палубныя*—до 4 тыс. Рѣчныя лодки: *свирская и пашская* (ходящая по рѣкѣ Пашѣ)—поднимаютъ до 12 тыс. пуд., *полулодки*—до 8 тыс., *тихвинки*—до 4 тыс. и *соминки*, или *лайбовыя соймы*—до 2 тыс. пуд. Постройка всѣхъ этихъ судовъ производится, по большей части, артелями, «въ круглую», съ подряда за все судно. Цѣны бываютъ разныя. Такъ, напр., гальотъ, смотря по оснасткѣ и быстротѣ хода, стоитъ отъ 8 до 16 тыс. руб., а соминка—отъ 800 до 2,000 руб.

По внѣшнему виду своему онъ весьма отличается отъ другихъ русскихъ городовъ. Прежде всего мы въ немъ не видимъ того обилія церквей, какое встрѣчается даже въ небольшихъ городахъ святой Руси. Здѣсь всего семь церквей, изъ нихъ двѣ кладбищенскихъ, а одна—соборная, построенная еще при Петрѣ. Въ ней есть нѣсколько иконъ изъ походной церкви Петра. Но теперь въ этомъ старомъ соборѣ служба совершается всего разъ въ годъ, въ Петровъ день, а обыкновенно служатъ въ другой церкви, построенной рядомъ со старымъ соборомъ лѣтъ сто тому назадъ. Кромѣ того на той-же площади возвышается новый соборъ, построенный недавно по одному плану съ московскимъ храмомъ Христа Спасителя, только значительно меньшихъ размѣровъ. Въ этомъ соборѣ служба совершается лѣтомъ.

На городской площади сооруженъ памятникъ Петру Великому. На соборной площади стоитъ памятникъ императору Александру II.

Расположенъ Петрозаводскъ очень красиво, на самомъ берегу Онежскаго озера, на горѣ. Въ самомъ городѣ замѣчателенъ Александровскій пушечно-литейный и снарядный заводъ, а недалеко отъ города—Кончезерскій чугунно-литейный заводъ.

Жителей въ Петрозаводскѣ насчитывается около четырнадцати тысячъ.

Въ 65 верстахъ отъ Петрозаводска, на рѣкѣ Сунѣ, находится знаменитый водопадъ *Кивачъ*, одинъ изъ самыхъ большихъ во всей Европѣ.

Еще версты за четыре отъ водопада въ лѣсу слышенъ какой-то смутный гулъ, который все усиливается, по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ рѣкѣ и наконецъ переходитъ въ оглушительный грохотъ. Берега рѣки Суны возлѣ Кивача состоятъ изъ черныхъ гранитныхъ скалъ, поросшихъ громадными вѣковыми соснами и елями. Такая же гранитная стѣна преграждаетъ и самое теченіе рѣки, которая, прорвавшись черезъ эту стѣну, низвергается съ высоты 8 саженей. При паденіи вода разбивается на мелкія брызги, которыя столбомъ сѣдого пара взлетаютъ изъ бездны и достигаютъ вершинъ громадныхъ деревьевъ, растущихъ на прибрежныхъ скалахъ. Если съ берега посмотрѣть внизъ на водопадъ или, какъ говорятъ Олончане, «падунъ», то въ глубинѣ видна масса пѣны, да острыя верхушки скалъ, застилаемыя, какъ дымомъ, безчисленными брызгами. Еще саженей на 20 отъ самаго падуна рѣка почти сплошь покрыта бѣлой пѣной и мчится со страшной быстротой.

Особенно сильно реветъ и бушуетъ Кивачъ въ весеннее половодье или во время продол-

жительныхъ дождей. Тогда, если пустить в него бревно, то черезъ нѣсколько минутъ из водопада вылетятъ одинъ щепки.

ГЛАВА III.

Главное богатство Олонецкаго края — его лѣса, которыхъ, несмотря на постоянное их истребленіе, все еще очень много. Гуще они въ уѣздахъ менѣе населенныхъ, въ болѣе же населенныхъ мы часто видимъ, что на тѣх мѣстахъ, гдѣ когда-то росли могучія сосны, нын торчатъ одни пни, да растетъ тощій кустарникъ.

Откуда-же такое опустошеніе? Кто виноват въ томъ? Виновато губительное подсѣчное хо-зяйство!

Проѣзжая вдоль и поперекъ Олонецкій край, ужь по однимъ лѣсамъ можемъ мы заключить, гдѣ населеніе гуще, гдѣ рѣже. Мало живет народу—и лѣса хороши, густы, высоки; больш живетъ—лѣса и рѣже и хуже. А все оттог что о завтрашнемъ днѣ не любитъ подумат олончанинъ. Да и хлѣбъ очень хочется ем посѣять. А гдѣ-жь найдешь удобную земл Казалось бы нѣтъ ея,—и довольствуйся чѣм либо другимъ. Мало-ли чѣмъ можно добы себѣ кусокъ хлѣба! Хоть-бы охотою, напр мѣръ, или рыбной ловлей, да, наконецъ, той-ж рубкой (но *разумной* рубкой) и сплавомъ лѣс

Такъ нѣтъ: надо вотъ покопать землю, посѣять на ней овса или ржи, да и собрать потомъ такой урожай, котораго и на мѣсяцъ, пожалуй, съ семьей прожить не хватитъ! Ну, вотъ и рубитъ мужикъ вѣковыя деревья и зажигаетъ порубленное мѣсто. Пепелъ удобриваетъ землю, да не надолго. Черезъ три, много черезъ четыре года, приходится бросать лядину (такъ называется выжженное для пашни мѣсто), и только лѣтъ черезъ 30 — 40 она снова обростаетъ лѣсомъ.

Красота олонецкихъ лѣсовъ поразительна. Въ Новѣнецкомъ уѣздѣ растетъ и сосна, и лиственница (сосна больше), и береза, и ольха, и липа, и клень, и рябина, и ива. На березовые лѣса мѣстами взглянуть жалко: такъ ободралъ ихъ олончанинъ для бересты! Береста идетъ здѣсь на множество разныхъ подѣлокъ, сплошь да рядомъ замѣняетъ она и коноплю: изъ нея вьютъ веревки. Нужны и липа, и клень, и ива,—на лапти, корзины и проч.

Крестьяне пользуются корою и лѣсомъ вообще безъ расчету, не думая о будущемъ. Лѣса рѣдѣютъ, уменьшается и дичь, а дичь—кормное подспорье для олонецкаго крестьянина.

Лѣсной промыселъ, рубка бревенъ, доставка ихъ къ мѣсту сплава и сплавъ, ихъ распилка и рубка дровъ,—все это служитъ нерѣдко однимъ

изъ главныхъ источниковъ дохода для олонецкихъ жителей какъ русскихъ, такъ и кореловъ.

Вотъ какъ, напримѣръ, занимаются этимъ промысломъ на рѣкѣ Выгѣ.

Осенью и зимой рубятъ по цѣлымъ днямъ лѣсъ и потомъ вывозятъ его, тоже зимой, а иногда и весной, на ледъ и связываютъ бревна въ такъ называемыя *кошмы*, которыя, какъ говорятъ, и крѣпче и плотнѣе гонокъ (плотовъ). А дѣлаются эти кошмы такъ: связываютъ конецъ съ концомъ сотни двѣ бревенъ и образуютъ изъ нихъ кругъ; въ этотъ кругъ помѣщаютъ и остальныя бревна. Спереди кошмы привязывается особый плотъ—*головня*, а на немъ ставится избушка досчатая—харчевая.

И вотъ, помолясь Богу, пускаются плотовщики въ путь. Много имъ предстоитъ въ дорогѣ опасностей! Быстрымъ теченіемъ несетъ ихъ по рѣкѣ и пока все обстоитъ благополучно. Но вотъ плоты вдругъ потянуло еще быстрѣе. Вдали слышится какой-то шумъ... Это пороги... Плоты несутся, какъ изъ лука стрѣла, и несутся прямо къ торчащимъ изъ воды камнямъ... Вода бурлитъ и кипитъ ключемъ; брызги тучею стоятъ въ воздухѣ. Плоты начинаютъ трещать.. Случается, бревно зацѣпитъ за камень, за нимъ другое, третье, четвертое. Тогда гонщики разламываютъ заторъ, т. е. зацѣпившіяся другъ

за друга бревна, и они стрѣлою проносятся черезъ пороги. Много народу здѣсь пропадаетъ и рѣдкій разъ обходится безъ несчастія.

За вырубку бревенъ и за доставку ихъ на своей лошади (но на хозяйскихъ харчахъ) къ мѣсту силава рабочій получаетъ копѣекъ 30 поденно, а если бревна толще 10 вершковъ, то и больше. Затѣмъ, онъ, доставивъ плоты на мѣсто, обязанъ самъ-же и разобрать ихъ. И за все это онъ получаетъ отъ 12 до 15 рублей въ мѣсяцъ. За распилку платятъ 15—18 рублей, а если работать безъ отдыха, то можно заработать и гораздо болѣе. Но трудновато это: приходится носить на плечѣ доски, пудовъ по семи каждая, и такихъ по много штукъ въ день. А есть и легче работа—обрѣзка концовъ досокъ ручною пилою. Дѣлается это обыкновенно вдвоемъ и за такую обрѣзку платятъ 30 к. въ день.

Корель тоже и рубитъ и сплавляетъ лѣсъ. Но если русскій не обходится тутъ безъ посредниковъ, то корель ужь ни въ какомъ случаѣ не обойдется безъ рядчика. Ну, а рядчикъ, извѣстно, не обидитъ себя и изъ того, что дастъ ему лѣсопромышленникъ на наемъ рабочихъ, утянетъ таки кое—что. Корель съ двумя взрослыми сыновьями или братьями можетъ заработать рубкою и вывозкою лѣса до 10-ти рублей

въ недѣлю. И вотъ, проработавъ недѣли двѣ, корелъ покупаетъ муки и возвращается счастливый, что можетъ поѣсть съ семьей настоящаго, чистаго хлѣба, безъ всякой примѣси, а это ему не всегда удается.

Важное подспорье составляетъ для олончанина и другое пользованіе лѣсомъ — охота. Въ концѣ лѣта заготовляетъ олончанинъ свою винтовку и начинаетъ собираться въ путь. Куда? Господь вѣдаетъ, но только подальше отъ дома, за звѣремъ и птицей. Ну и надолго, вплоть до самой зимы.

Винтовка олонецкая такая, что, кажется, покажи ее кому другому, а не олончанину, такъ онъ не повѣритъ, что изъ нея можно стрѣлять, не только что попадать въ цѣль: она самодѣльная, кремневая; стволъ къ ложу привязанъ бичевками, а то и просто берестой прикрученъ. Но олончанинъ ухитряется стрѣлять изъ нея чуть ли не безъ промаха. Бываютъ винтовки и малопульныя (на птицу разную и на мелкихъ звѣрьковъ: на зайца, напримѣръ, на бѣлку), и большепульныя—на большихъ звѣрей, между прочимъ и на медвѣдя, которому олончанинъ норовитъ попасть между глазъ—и попадаетъ точно.

Собрался мужикъ въ дорогу, запасся койчѣмъ съѣстнымъ, простился съ семьей и, заки-

нувъ за плечи свою неуклюжую самодѣльщину, отправляется въ лѣсъ. Еще лѣтомъ къ нему завернулъ прикащикъ знакомый отъ какого-нибудь купца, ведущаго въ Петербургѣ большую торговлю птицей. Потолковали о томъ, о семъ, а, между прочимъ, и о предстоящей охотѣ. Прикащикъ ласковый такой, добрый: денегъ ему предлагаетъ.—«Не надо-ли?»—Какъ не надо! деньги всегда нужны!—«Ну, а тамъ сочитаемся птицей. Вотъ только удачи-бы Богъ послалъ».—И прикащикъ уѣхалъ. Деньжонки, точно, понадобились: надо тамъ недоимку заплатить было, муки прикупить тоже,—вся вышла, да пороху и свинцу на пули. И разошлись онѣ, деньги-то, незамѣтно, точно вода межъ пальцами.

И вотъ шагаетъ мужикъ по болотамъ, вязнетъ въ нихъ чуть не по шею. Пропасть ему попадается птицы разной болотной. Но она ему не нужна: на нее цѣтъ сбыта. Нѣтъ сбыта и на озерную птицу. А сколько ея здѣсь! Лебеди, гуси, утки разныя—кряквы, чирки, ныркн, черныши, гагары, моряпки. Онъ бьетъ ее развѣ для домашняго обихода,—да только теперь не время. Тетерева ему нужны, рябчики,—и онъ ихъ много набьетъ и отдастъ потомъ тому-же знакомцу прикащику за ту цѣну, которую тотъ ему самъ назначитъ. А прикащикъ ужь поджидаетъ его

въ деревнѣ—и мужичокъ-корелъ или русскій, честно расплачивается набитой птицей за забранныя впередъ деньги. За пару рябчиковъ, напримѣръ, онъ получаетъ копѣекъ 15 или 18, а за пару тетеревей—четвертакъ или 30 копѣекъ. Особенно много старается набить олончанинъ рябчиковъ: на нихъ самый большой спросъ. Тетеревей не всегда стрѣляютъ, а иной разъ накрываютъ ихъ *саком*ъ, который дѣлаютъ изъ рыболовныхъ сѣтей. Сѣть прикрѣпляютъ къ большому обручу, а обручъ къ шесту, сажени въ полторы длиною, подстерегаютъ тетеревей на току, а когда птицы раззадорятся, вступятъ въ ожесточенный бой,—подходятъ промышленники и преспокойно накрываютъ ихъ этимъ сакомъ.

На водяную птицу охотятся въ іюлѣ и августѣ, а раньше бить ее считается грѣхомъ. Также за грѣхъ почитаетъ олончанинъ бить лебедя: существуетъ повѣрье, что если лебедя убьешь, такъ или тебя самого убьетъ молніей или домъ сгоритъ.

Звѣрей въ Олонецкомъ краѣ тоже много: медвѣдь, волкъ, олень, лось, куница, порка, россомаха, горностай, рысь и особенно бѣлка и заяцъ. Въ лѣсныхъ и гористыхъ мѣстахъ водится здѣсь лисица, больше желто-красная, чернобурая очень рѣдка. По берегамъ отдаленныхъ

лѣсныхъ озеръ и рѣкъ попадается выдра, а въ мелкихъ еловыхъ лѣсахъ—куница. Лисицъ и выдръ ловятъ иногда капканами, ими же ловятъ и зайцевъ. На медвѣдя ставятъ иногда «пасти», а иногда охотятся съ «лабаза»: укрѣпляютъ на сучьяхъ дерева жерди, на нихъ влѣзаетъ охотникъ и поджидаетъ звѣря; внизу кладутъ падаль. Но, отправляясь на промыселъ за медвѣдемъ, охотникъ, кромѣ ружья, беретъ про запасъ и рогатину. Ее дѣлаютъ обыкновенно изъ крѣпкаго дерева, конецъ заостряютъ и обугливаютъ. Такая рогатина считается крѣпче, надежнѣе той, у которой на концѣ врѣзанъ ножъ и она гораздо чаще употребляется. Но къ рогатинѣ прибѣгаютъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, медвѣдь нападетъ врасплохъ или охотникъ вдругъ какъ нибудь промахнется: рогатину пустить въ ходъ—это значитъ шкуру испортить, а шкура стоитъ не дешево. И вотъ охотникъ предпочитаетъ бить мишку съ «лабаза» и, рискуя собственной жизнью, старается уложить его съ одного выстрѣла между глазъ. На медвѣдя охотятся, по большей части, зимой. Зимой-же ходятъ и на оленя, на лося и выдру; на горностая и зайца—осенью, а въ октябрѣ—на бѣлку.

Охотникъ никогда не выйдетъ на промы-

сель безъ своего вѣрнаго и опытнаго помощника—«лайки». И эта «лайка» имъ такъ хорошо обучена, что, замѣтивъ звѣрька, или птицу на деревѣ, будетъ лаять хоть съ утра до ночи, до тѣхъ поръ, пока не придетъ хозяинъ. На каждую птицу и звѣрька собака лаетъ особенно, такъ что по лаю охотникъ ужъ знаетъ, кого тамъ замѣтила его «лайка». Особенно хорошо обучаютъ «лаекъ» корелы и продаютъ они ихъ, иной разъ, рубля по три за штуку, а хорошихъ щенятъ—по рублю, что для олонецкаго мужика деньги не малыя. Охота на звѣрей и на птицъ всего болѣе распространена въ уѣздахъ Повѣнецкомъ и Пудожскомъ, а также между корелами Петрозаводскаго. Въ другихъ уѣздахъ охотятся уже меньше.

Богатству лѣса въ Олонецкомъ краѣ соотвѣтствуетъ богатство воды и рыболовство одно изъ главнѣйшихъ занятій олончанъ.

Въ неурожайные годы, когда въ избѣ мужика нѣтъ щепотки муки, а купить не на что, онъ сушитъ снѣтковъ, мелетъ ихъ на ручныхъ жерновахъ въ муку и печетъ изъ нея пироги—рыбники, или снѣтковой мукой заправляетъ себѣ уху. Не даромъ-же мелкую рыбу, которою олончанинъ почти исключительно питается, онъ называетъ «напастницей». «Напасть» придетъ, безхлѣбица—рыбка спасаетъ,

благо ея, этой рыбки (щукъ, окуней, плотвы, язей и подъязиковъ) вездѣ и во всякое время много. И вотъ наловитъ себѣ мужикъ сачкомъ рыбы—и сытъ съ семьей. Одно только не хорошо, что онъ ловитъ ее сачкомъ. Вѣдь въ сачекъ попадаетъ все молодая рыбка, порой изъ очень крупныхъ и дорогихъ породъ. Иной разъ попадетъ и стерлядка и семушка. И изводитъ мужикъ молодикъ, и знать не хочетъ, что изъ него потомъ выросла-бы крупная рыба, которая ему-же дала-бы хорошій барышъ. Такимъ образомъ мало по малу цѣнная рыба и переводится все больше и больше, годъ отъ году, въ Олонецкомъ краѣ. И тутъ не понимаетъ мужикъ своей пользы, да и понять не хочетъ, а ловлю рыбы сачкомъ считаетъ для себя обязательной, какъ наслѣдіе, обычай предковъ.

А все-же, какъ ни изводятъ тамъ мужики рыбу, ея осталось еще не мало. Водится здѣсь налимъ, лосось, харіусъ, таймень, форна, палья, сигъ, лещъ, подлещикъ, ершъ, фяпушка, корюшка. Подспорье въ «напасть»—снѣтки ловятся больше на Выгозерѣ и Сегозерѣ.

Но истребляя молодикъ и забывая, что изъ него выростетъ крупная рыба, олончанинъ не забываетъ, однако, что икряная рыба даетъ потомство. И вотъ, икрометную («посыпную») рыбу ловить онъ считаетъ грѣхомъ и если

такая попадетъ въ неводъ, то онъ ее выбрасываетъ зачастную обратно. Какъ отличить «посыпную» рыбу? Для этого надо знать, въ какое время какая рыба начинаетъ метать икру. И Олончанинъ это знаетъ. Онъ знаетъ, что только одинъ карась мечетъ икру каждый мѣсяцъ, да еще раза по три или по четыре. А тамъ для каждой другой рыбы—своя пора.

Рыбу въ Олонецкомъ краѣ ловятъ разными способами и снарядами, смотря по тому, какую и гдѣ. Если снарядъ стоитъ дорого и не подъ силу его завести одному крестьянину, то заводятъ его сообща («слогомъ») и потомъ ужь попадающую въ него рыбу дѣлятъ по равнымъ частямъ, по числу вкладчиковъ. Вотъ, напримѣръ, неводъ рѣчной. Обходится онъ не дешево, отъ 30 до 75 рублей, и, чтобы завести его, корелы дѣлаютъ складчину, обыкновенно изъ восьми человѣкъ, и дѣлятъ уловъ на девять частей, изъ которыхъ одна идетъ на церковь и на починку невода. Имъ ловятъ больше налимовъ, которыхъ и попадается, при счастливомъ случаѣ, отъ 3 до 5 пудовъ сразу. По этимъ неводомъ ловятъ только въ рѣкахъ. На озерахъ и особенно на большихъ, напримѣръ, на Онежскомъ, ловятъ особымъ, *онежскимъ* неводомъ, который имѣетъ въ длину отъ 200 до 240 саженъ и стоитъ гораздо дороже рѣчного.

Но вотъ окончился рыбный промыселъ; рыбы много наловлено. Теперь надо ее заготовлять въ прокъ. Болѣе мелкіе сорта рыбы олончанинъ съѣдаетъ самъ, во всевозможныхъ видахъ: и сушеной, и жареной, и печеной, и вареной; болѣе-же крупные сорта готовитъ въ продажу. Ее и солятъ, и вялятъ, и сушатъ и въ огромныхъ количествахъ развозятъ по разнымъ концамъ Россіи. На солку идетъ только лѣтній уловъ. Солятъ сиговъ, щуку, окуня, плотву, лещей и подлещиковъ, язей, подъязиковъ, ряпушку и судака. Для солки рыбу распластываютъ и моютъ; потомъ просаливаютъ внутри, но очень умѣренно, потому что солью здѣсь дорожатъ; затѣмъ складываютъ въ большія бочки, куда помѣщается отъ 7 до 9 пудовъ рыбы. Укладываютъ рядами, каждый рядъ слегка пересыпая солью. Соли полагается обыкновенно по 3 или по 4 фунта на пудъ рыбы. Для сушки чистятъ только ту рыбу, которая покрупнѣе, а мелкая сходитъ и такъ: «а то у нея все нутро вспоритъ», говорятъ рыбаки. Затѣмъ, пуда по полтора вмѣстѣ, укладываютъ ее въ печь и оставляютъ тамъ часовъ на 12. Сушатъ обыкновенно мелочь, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идетъ на сушку и сигъ: сушеный, онъ, зачастую, тамъ замѣняетъ хлѣбъ и называется потому «заѣдкой», —

имъ заѣдаютъ уху. Вялятъ, бо́льшею частью, корюшку. Ее не солятъ, а только моютъ и затѣмъ раскладываютъ на крышахъ. При хорошей погодѣ въ три дня, а много ужь въ пять, она хорошо провялится и идетъ въ дѣло. Рыбу по крупнѣе чистятъ, слегка солятъ и потомъ развѣшиваютъ на веревкахъ, на солнцепекѣ. Снимаютъ дня черезъ три. Копченой рыбы въ Олонецкомъ краѣ нѣтъ, исключая, впрочемъ, Данилова (Повѣнецкаго уѣзда), гдѣ коптятъ сиговъ. Изъ палимовъ вытапливаютъ жиръ и очень любятъ его съ овсяными блинами.

ГЛАВА IV.

Проѣзжая Олонецкій край и встрѣчая на пути деревни, уже издали, при взглядѣ на мѣстоположеніе, можно почти безошибочно сказать, кто живетъ въ деревушкѣ—русскіе или корелы.

Русскіе селятся всегда поближе къ водѣ, корелы — наоборотъ. Корель выбираетъ для своихъ поселковъ гористыя, сухія мѣста, избѣгая озеръ и рѣкъ, отъ которыхъ подымаются туманы и вредныя испаренія, порождающія разныя болѣзни.

И точно, на возвышенныхъ, гористыхъ мѣстахъ кореламъ живется здоровѣе, чѣмъ русскимъ у воды и смертность между ними не такъ сильна. Скотину корелы держатъ не «на

чистомъ воздухѣ» или подъ какимъ нибудь навѣсомъ, какъ русскіе, а въ теплыхъ, закрытыхъ мѣстахъ, отчего и скотина у нихъ лучше и молока даетъ больше.

Въ Олонецкомъ краѣ есть большія села, какъ, напримѣръ, Шуя, недалеко отъ Петрозаводска, раскинувшаяся верстъ на пять; но по большей части деревни олончанъ маленькія и на дальнемъ разстояніи одна отъ другой. Такъ какъ пахатной земли мало и она рѣдко гдѣ попадается, то, разумѣется, мужики дорожатъ ею и селятся все больше на годныхъ для обработки мѣстахъ.

Не велики деревушки, но за то избы въ нихъ—по большей части все двухъэтажныя—бросаются въ глаза своей чистотой и опрятностью. Построены онѣ крѣпко, прочно, на вѣкъ, что называется. Войдите въ любую изъ нихъ: чистыя стѣны, полъ, лавки чистыя; свѣтло и тепло, не пахнетъ гарью. Крыши здѣсь кроютъ тесомъ, а подъ тесомъ кладутъ *скалу* (бересту), чтобы не протекало. При каждомъ дворѣ ужъ непремѣнно есть баня и амбаръ. Вотъ только фундамента не любитъ олончанинъ, хоть камня всякаго у него не занимать стать. Кирпичи для своихъ печей каждый хозяинъ самъ мастеритъ.

Олончане небольшого роста, русоволосы. На

первый взглядъ они кажутся неповоротл выми и лѣнивыми. Но это невѣрно. Олонч нинъ далеко не лѣнивъ; напротивъ, онъ очен трудолюбивъ даже,—но только за дѣло не охотно берется. Ему точно стращенъ пер вый приступъ къ труду. А разъ ужь при нялся онъ, такъ и работаетъ за троихъ, не покладая рукъ, до тѣхъ поръ, пока онѣ ем служить не откажутся. Не любитъ онъ и та кой работы, при которой дома надо сидѣть Такая работа претитъ ему. Онъ лучше будет работать на полѣ, на озерѣ и въ лѣсу.

У олончанъ особый говоръ. Заонежанинъ *) сохранилъ древне-новгородское нарѣчіе, а так же кое что позаимствовалъ и у своихъ сосѣдей кореловъ. Заонежанина легко отличить по гово ру въ толпѣ русскихъ крестьянъ. Порою, онъ «цокаетъ»; затѣмъ, не скажетъ: *дай*, а *дай-ко* и не *дайте*, а *дайте-тко*. Слова произноситъ мед ленно, съ разстановкой, и непремѣнно пѣ вуче. Любитъ заонежанинъ и мягкость звука и говоритъ не молодиц*а*, а молодиц*я* (какъ

*) Заонежане—жители Кижской и Толвуйской волостей, Петрозаводскаго уѣзда, и Шунгской — Повѣнецкаго. Къ За онежью причисляются всѣ погосты, расположенные на огром номъ мысѣ, вдающемся въ Онежское озеро (полуостровъ За онежье), то на 40, то на 70 верстъ, и перерѣзанномъ почти во всю длину свою заливами, озерами, соединенными съ Онего и узкими цроливами и протоками.

малороссъ) и *цюдо*, а не *чудо*. Вмѣсто хозяев*а*, говоритъ—хозяев*ы*, а вмѣсто *читайте—цицайте-тко*; не скажетъ былъ въ город*ѣ*, въ изб*ѣ*,—а въ город*и*, въ изб*и*.

Обонежанинъ *) не скажетъ: не ѣмъ, не пью, не могу, а—нé ѣмъ, нé пью, нé могу. Олончане, не испытавъ на себѣ монгольскаго ига, рѣдко употребляютъ слова татарскаго происхожденія. Не знаютъ, напримѣръ, словъ *лошадь* и *кнутъ*, а говорятъ *конь* и *погонялка*. Но за то у нихъ много словъ финскихъ и заимствованныхъ изъ древне-славянскаго языка. Напримѣръ, сапоги—*бахилы*, лапти—*верзыи*, кукушка—*загожка*, ненастье—*рянда*, не одобрять—*кухнать*, неудалый—*моня*, смѣяться—*халяндать* и пр.

Въ олончанинѣ много хорошихъ качествъ: онъ ласковъ, гостепріименъ, добръ и очень честенъ. Онъ никогда не возьметъ чужого топора или рыболовной снасти, которыя, сплошь да рядомъ, оставляются на берегу рѣки или озера рыбаками,—не возьметъ чужой лодки. Сохрани Богъ! Но есть за нимъ и одинъ недостатокъ: пощеголять любятъ мужики и бабы, а особенно жители Заонежья, и это не дешево имъ обходится. Не даромъ и въ пѣсняхъ поется,

*) *Обонежане*—жители *Обонежья*, т. е. сѣверной и сѣверо-восточной частей Олонецкой губерніи.

какъ «удàлы-добры молодцы носятъ поддевочку дорогихъ суконъ, на ноженькахъ сапоженьки козловые, кругъ сердечка—кушàчики шелкóвые, на головушкѣ шляпоньки пуховыя, на бѣлóй груди цѣпочки золоченыя». И какъ нарядившись, «удалый-добрый мóлодецъ калёной гребеночкой учесываетъ свои жемчужныя кудёрушки и завиваетъ ихъ въ колечка золоченыя». А красныя дѣвушки носятъ «цвѣтное, басистое платьице,—сарафаны новомодные раструбистые; на головушку жемчужную подвѣсочку, по подвѣсочкѣ рóзову косыночку; въ завивную свою косу русую вплетаютъ дорогія, золотыя ленточки; по русой косѣ кладутъ цвѣты алые; во ушеньки—серёжки бриллiантовы; на бѣлую грудь цѣпочку золоченую; на плеченьки—шубу соболиную».—И, точно, на бабѣ и въ будни не рѣдкость шерстяной сарафанъ, а то такъ и штофный. На мужикѣ, въ праздникъ, тоже кафтанъ изъ тонкаго сукна. Сапоги носятъ изъ бѣлой кожи,—они и прочнѣе и не промокаютъ.

Въ языкъ олончанъ, какъ уже говорилось, вошло много чужихъ словъ, финскихъ. Но зато олончане сохранили у себя богатое наслѣдiе русскаго народа — пѣсни, которыя сложены были въ незапамятныя времена пѣвцами изъ народа и, переходя

изъ устъ въ уста, отъ дѣдовъ къ внукамъ, поются и до сихъ поръ. Изъ этихъ пѣсенъ многія забыты уже теперь во всей Россіи; помнятъ ихъ только въ одномъ Олонецкомъ краѣ. Есть здѣсь «сказители», которые знаютъ былины про князя Кіевскаго Владиміра Красно - Солнышко, про его могучихъ славныхъ богатырей: Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича. Разсказывается въ этихъ былинахъ, какъ богатыри сражались за землю Святорусскую съ врагами ея, степными хищниками, какъ избивали они вражью силу несмѣтную, какъ пировали въ стольномъ городѣ во Кіевѣ у ласкова князя Владиміра... Много чего поется въ былинахъ, сразу всего и не пересказать. Есть въ Олонецкомъ краѣ и крестьянки, которыя помнятъ старыя пѣсни—заплачки. Эти заплачки причитаютъ вдовы надъ покойнымъ мужемъ, дочери надъ отцомъ или надъ матерью, родители надъ дѣтьми и т. п., и выливается въ этихъ заплачкахъ грусть и тоска живыхъ объ усопшихъ родныхъ и близкихъ сердцу. Жалобныя это пѣсни. Есть и другія заплачки—рекрутскія, которыя причитали надъ парнями, забранными въ военную службу. Въ прежнія времена служба была тяжелая: на 25 лѣтъ отрывали мужика отъ семьи и отъ родины. Немудрено, что рекрута провожали изъ дому съ

причитаньями, какъ покойника. Но въ Бозѣ почивающій Царь-Освободитель Александръ II облегчилъ солдатскую службу, такъ что теперь она перестала быть такимъ ужасомъ для народа. Перестали, поэтому, и олончанки пѣть свои причитанья надъ новобранцами и забылись бы скоро эти причитанья совсѣмъ, никто бы потомъ и не зналъ, что были когда-то они. Но ученые люди давно уже обратили вниманіе на былины и заплачки олонецкія, поняли, какъ хороши и интересны эти народныя пѣсни, записали ихъ и напечатали, такъ что теперь всѣ онѣ сохранятся на вѣчныя времена.

СВѢТОВЫЯ КАРТИНЫ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ

(для аудиторій):

1. Видъ въ Олонецкомъ краѣ.
2. Часовенка и жилище пустынника.
3. Типы обрусѣвшаго племени чуди.
4. Св. Александръ Свирскій.
5. Монастырь св. Александра Свирскаго.
6. Петръ Великій.
7. Вознесенская пристань.
8. Видъ Петрозаводска.
9. Водопадъ Кивачъ.
10. Кошмы на порогахъ.
11. Типы кореловъ.
12. Охота на медвѣдя.
13. Ловля рыбы неводомъ.
14. Олонецкій поселокъ.
15. Типы олончанъ.
16. «Сказитель».

Картины эти могутъ быть пріобрѣтаемы у поставщиковъ Коммисіи въ «С.-Петербургской Мастерской учебныхъ пособій и игръ»

С.-Петербургъ, Троицкая ул., № 9.